

Владимир Веселкин не чтит Уголовный кодекс. Этим и знаменит

● МУЗЫКА

Красавица и чудовище

Катя Бочарова и Вова Веселкин поют старые песни в ночных клубах Москвы

Алексей МУНИПОВ

Некогда Вова Веселкин танцевал в группе «АукцЫон». Грозил голым задом городу Парижу. Резал себя в кровь битыми пивными кружками на гамбургских подмостках. Танцевал жестокий стриптиз для изумленных комсомольских работников. Шипел в микрофон «Я хочу поставить крест на своей судьбе». Теперь в его репертуаре — Клавдия Шульженко, Петр Лещенко и Марлен Дитрих, теперь он вскидывает руки и чуть беспомощно смотрит в зал.

Мой нежный друг, часто слезы роняю...

Некогда Катя Бочарова пела в неприличной группе «Лаэртский Бэнд» неприличные песни Александра Лаэртского. Выступала с коллективом «Катя Бочарова и панки». Теперь в ее репертуаре — песни Венгерова, Крахта, Орцева и Холлендера, теперь она гордо вскидывает подбородок и топчет каблучками в ритме танго.

Ходят по улицам фашисты, к дамам они пристают...

Эта парочка делает из ретро невесту что, ничего для этого не делая — просто выходят, просто поют, просто кланяются. Максимально вежливо, аккуратно, со вкрадчивым аккомпанементом: контрабас, гитара, скрипка — кафешантан, одесский двор и московский флэт разом. Но кто бы мог предположить, что когда-то были такие песни, где тоска и голуби, и бедный Джонни, и пожелтевшие письма; и кто бы мог поверить, что Веселкин, нервный секс-символ с бурным прошлым, превратится в мудрого сатира и так их споет?

Веселкин, конечно, главная интрига программы. Танцор коварного диско, любимец французских ТВ-работников, сам себе улада и скандал, пропал с глаз людских уж давно — в 1992 году, покинув «АукцЫон» по неясной причине (то ли выгнали за пьянство, то ли выиграло ретивое). Прощальной открыткой стал альбом несуществующей группы «Вова Веселкин и

Орган Внутренних Дел» под названием «Невероятная Любовь», память о котором хранится с тех пор разве что на «Российском Национальном Сервере Геев, Лесбиянок и Бисексуалов»: в начале девяностых Владимир устраивал сбор подписей за отмену соответствующей статьи 121, ч. 2, и с тех пор живет в сердцах перечисленных категорий граждан.

Провидению, милый читатель, было угодно таить Веселкина от любопытных взглядов: он пропадал, давал редкие концерты, участвовал в сумасшедших проектах и время от времени пытался залезть на какую-нибудь заметную сцену (будь то концерт «АукцЫона» или масштабное мероприятие Гете-института), откуда его неизменно гнали, — и все для того, чтобы в результате остепениться, остекленеть, устроиться на модных подмостках города Москвы inferнальное кабаре, дискотеку для дам и господ, коктейль-пати «Сто дней после детства». Злой шутник-озорник выглядит теперь о-го-го как: бархатный ма-

линовый халат до пола, громадные роговые очки и серебряная нашивка на причинном месте. Ах, да, и «по-хорошему худой», как некогда выразился А. Вознесенский о Б. Гребенщикове.

Конечно, только мужчина может так спеть Шульженко и Юрьеву. Конечно, только мужчина может так сердце растрепать — любое, на выбор — особенно если он в известном смысле и не мужчина вовсе, а плотоядный, ласковый и нежный зверь. Девушки в тот вечер не отрывали взгляда от сцены, держали друг друга за руки и, позабыв спутников, хлестали двойной скотч или даже шампанское — отринув приличия, всецело положившись на генетическую память (хотя шампанского в подобных местах обычно даже не подают). Про спутников молчу.

Эта парочка, Бочарова с Веселкиным, отлила из ретрошлягеров свинцовые слезы невиданной красоты. Девочка на рваном шаре и мальчик, не желавший просыпаться. Бонни и Клайд. Красавица и чудовище.

Известия. — 2000. — 4 февр. — с. 9